

УДК 341.485
ББК 67.408

Г.Л. Москалев
Сибирский федеральный университет

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ГЕНОЦИДА И ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье проводится сравнительный анализ признаков геноцида и преступлений экстремистской направленности, позволяющих провести разграничение этих преступлений. Рассматривается проблема разграничения публичных призывов к совершению геноцида и преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. Показаны признаки, обуславливающие самостоятельный характер геноцида и позволяющие отграничивать его от преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: геноцид, экстремизм, преступления экстремистской направленности, уголовное право.

G.L. Moskalev
Siberian Federal University

PROBLEMS OF DIFFERENTIATION OF GENOCIDE AND CRIMES OF AN EXTREMIST

The article presents a comparative analysis of the evidence of genocide and crimes of an extremist nature, allowing to distinguish these crimes. Distinguishes public incitement to commit genocide and a crime under Article 282 of the Criminal Code. Showing signs that contribute to the independent nature of the genocide and allow it to distinguish between extremist crimes.

Key words: genocide, extremism, extremist crimes, criminal law.

При разграничении геноцида с другими преступлениями особое внимание следует уделить проблеме его отличия от деяний экстремистской направленности, выделяемых на основании Примечания 2 к ст. 282.1 УК РФ. Такая необходимость обусловлена, в частности, тем, что преступления экстремистской направленности имеют сходные с геноцидом объективные и субъективные признаки, что может создать трудности в правильной квалификации рассматриваемых преступлений.

Согласно ст. 357 УК РФ, объективную сторону геноцида образуют различные альтернативные действия, в частности убийство и причинение тяжкого вреда здоровью. По этой причине, а также в связи со сходством содержания признаков указанных деяний в первую очередь необходимо отграничить геноцид от убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, совершенных по экстремистским мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ).

Прежде всего, следует обратить внимание на различие в иерархии объектов этих преступлений. Основным непосредственным объек-

том убийства, совершенного по экстремистским мотивам, является жизнь человека. В умышленном причинении тяжкого вреда здоровью основной непосредственный объект - здоровье человека. Для геноцида данные объекты являются факультативными, так как возможно совершение преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, и без причинения смерти или тяжкого вреда здоровью другим лицам. Это может иметь место, например, при совершении геноцида путем принудительной передачи детей из одной человеческой группы в другую.

Преступления против личности экстремистской направленности характеризуются наличием специального мотива - политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а равно ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Данное обстоятельство позволяет говорить о наличии дополнительного объекта этих преступлений - равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от их национальной, расовой или религиозной принадлежности. Анализ ст. 357

УК РФ показывает, что геноцид может быть совершен с любым мотивом, в том числе и экстремистским. Следовательно, данный объект для геноцида будет факультативным. Основным непосредственным объектом геноцида является безопасность национальных, этнических, расовых и религиозных групп. Совершение преступлений, предусмотренных п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, исключает посягательство на указанный объект.

Разграничение этих преступлений можно провести также по кругу потерпевших. Если при совершении геноцида потерпевшим является национальная, этническая, расовая или религиозная группа в целом, то потерпевшими от преступления, предусмотренного п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, являются конкретные лица. Потерпевшими от убийства и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, совершенными по экстремистским мотивам, могут быть представители любой социальной группы, тогда как группы потерпевших от геноцида ограничены только расовыми, национальными, этническими и религиозными признаками.

Как указывает Т.В. Долголенко, различие объектов геноцида и убийства по экстремистским мотивам следует проводить и по направленности умысла¹. Геноцид совершается с целью полного или частичного уничтожения представителей национальной, этнической, расовой или религиозной группы только с прямым умыслом. Цель определяют как идеальную модель будущего желаемого результата, к причинению которого стремится правонарушитель посредством совершения преступления². Следовательно, совершая геноцид, лицо рассчитывает на полное или частичное уничтожение указанных групп, на достижение чего и направлен умысел виновного.

Субъективная сторона преступлений, предусмотренных п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, характеризуется наличием экстремистского мотива и прямым или косвенным умыслом. Мотив совершения преступления - это внутреннее побуждение, причина, руководствуясь которой лицо совершает преступление³. Ненависть и вражда могут стать мотивами совершения как преступлений экстремистской направленности, так и геноцида. Однако при совершении убийства или причинении тяжкого вреда здоровью по экстремистским мотивам умысел виновного не направлен на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной

группы, в чем и заключается отличие этих преступлений от геноцида.

Московским областным судом 30 октября 2006 г. осуждены И. и А. по п. «ж», «л» ч. 2 ст. 105 и по пп. «г», «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ. По данному делу суд усмотрел наличие специального мотива исходя из следующих обстоятельств: виновные подтвердили, что ненавидели нерусских; потерпевший Т. показал, что, подвергаясь избиению со стороны виновных, он слышал от них в свой адрес оскорбления, касающиеся его национальности; находившихся с потерпевшим троих русских ребят виновные не тронули; никакого повода для нападения ни потерпевший, ни его спутники не давали⁴. Изложенный пример, напоминая геноцид внешне, таковым по сути не является. В данном случае виновные совершали свои действия, не преследуя специальную цель, необходимую для геноцида, а именно цель полного или частичного уничтожения национальной, расовой, этнической или религиозной группы.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, в отличие от субъективной стороны убийства и причинения тяжкого вреда здоровью, совершенных по экстремистским мотивам, характеризуется только прямым умыслом и специальной целью. Геноцид и преступления, предусмотренные п. «л» ч. 2 ст. 105 и п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ, различаются также по признакам объективной стороны. Преступления против жизни и здоровья считаются оконченными в момент наступления смерти потерпевшего или в момент причинения тяжкого вреда его здоровью. Геноцид может быть реализован путем убийства и причинения тяжкого вреда здоровью членам, перечисленных в диспозиции групп. Для признания преступления, предусмотренного ст. 357 УК РФ, оконченным, помимо прочего, необходимо совершение убийства двух и более лиц или причинение тяжкого вреда здоровью двум и более лицам. В случае совершения таких деяний в отношении только одного лица разграничение будет проводиться между убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, совершенными по экстремистским мотивам, и покушением на геноцид.

Представляет интерес вопрос о соотношении субъектов геноцида, а также убийства и причинения тяжкого вреда здоровью по экстремистским мотивам. Субъектом геноцида является лицо, достигшее 16-летнего возраста. С точки зрения законодателя, лица в возрасте от 14 до 16 лет в силу возраста не могут правильно осознавать такой сложный объект, как безопас-

ность национальной, расовой, этнической или религиозной группы. Значит, посягательство на данный объект со стороны таких лиц невозможно. С другой стороны, жизнь человека и его здоровье как объекты преступления адекватно осознаются лицами уже с 14 лет. Поэтому лицо, не достигшее 16 лет, совершившее действия, подпадающие под признаки геноцида, реализованные путем убийства или причинения тяжкого вреда здоровью членам групп, указанным в диспозиции ст. 357 УК РФ, с целью их полного или частичного уничтожения, должно нести ответственность по соответствующим частям и пунктам ст. 105 или ст. 111 УК РФ.

При решении вопроса о разграничении геноцида и преступлений экстремистской направленности представляет интерес соотношение деяний, предусмотренных ст. 357 УК РФ и ст. 282 УК РФ. Согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», под действиями, направленными на возбуждение ненависти либо вражды, следует понимать, в частности, высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида. Поэтому есть потребность провести отграничение геноцида от преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, осуществляемого в форме указанных действий, направленных на возбуждение ненависти или вражды.

На первый взгляд ст. 357 УК РФ и ст. 282 УК РФ имеют мало общего в силу очевидного различия признаков данных деяний, указанных в этих нормах Уголовного кодекса. Однако проблема разграничения данных деяний скрыта глубже. Дело в том, что, помимо запрещения геноцида, Конвенция ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» 1948 г. (Далее - Конвенция 1948 г.) в ст. 3 закрепляет ответственность также за такое деяние, как прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида.

Возникает необходимость определить, можно ли привлечь кого-либо к уголовной ответственности по действующему УК РФ за прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида. Для этого необходимо понять, что такое «прямое и публичное подстрекательство». На наш взгляд, термин «прямое» означает, что должно иметь место склонение к совершению конкретного преступления - геноцида, причем призыв к его совершению должен высказываться определенно и недвусмысленно, а не подразумеваться за текстом обращения.

Содержание признака публичности раскрывается в названном выше Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, под которым понимается выраженное в любой форме обращение к другим лицам с целью побудить их к осуществлению преступления. Публичными будут являться обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, размещение обращения в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования, включая сеть Интернет, например на сайтах, в блогах или на форумах, распространение обращений путем веерной рассылки электронных сообщений и т.п. Анализируя приведенный перечень, можно увидеть, что все примеры публичных обращений адресуются неопределенному кругу лиц. Иными словами, лицо обращается не к конкретным субъектам, индивидуальные характеристики которых его не интересуют. Именно, такой характер обращений и является определяющим признаком публичности.

Руководствуясь таким пониманием прямого и публичного подстрекательства к совершению геноцида, указанного в Конвенции 1948 г., следует отметить отличие от подстрекательства к преступлению, указанного в ч. 4 ст. 33 УК РФ. Последнее характеризуется индивидуальной определенностью, поскольку возбуждать решимость к совершению преступления можно только у конкретных лиц⁵. Согласно анализируемой Конвенции, подстрекательство к геноциду признаком индивидуальной определенности не обладает. Напротив, оно обращено к неопределенному кругу лиц. Используя терминологию российского уголовного законодательства, логично обозначить такое деяние публичными призывами к совершению геноцида, приняв во внимание составы преступлений, предусмотренные ст. 280 (публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности) и ст. 354 (публичные призывы к развязыванию агрессивной войны) УК РФ.

В Уголовном кодексе РФ прямо не предусмотрено ответственности за публичные призывы к совершению геноцида. Означает ли это невыполнение Россией своих международных обязательств, которые вытекают из ст. 5 Конвенции 1948 г.? С одной стороны, такие действия могли бы рассматриваться как приготовление к совершению геноцида. Часть 1 ст. 30 УК РФ имеет открытый перечень форм приготовления к преступлению, что дает возможность говорить о приготовлении, когда действия со-

вершаются умышленно и создают условия для совершения преступления. Эти действия могут создать благоприятные условия для совершения геноцида. История геноцида знает факты, иллюстрирующие это. По закону уголовная ответственность наступает за приготовление к совершению только тяжкого или особо тяжкого преступления. Геноцид является преступлением особо тяжким. Следовательно, есть определенные основания для того, чтобы полагать, что уголовная ответственность за приготовление к геноциду, совершенное в форме публичных призывов к его совершению, предусмотрена ч. 1 ст. 30 УК РФ.

С другой стороны, в литературе указывается на то, что возбуждать решимость к совершению преступления при приготовлении к его совершению возможно только у конкретных лиц. В рассматриваемом же случае призыв обращен не к конкретным лицам, а к неопределенному их кругу. Также нельзя не заметить, что приготовление к совершению преступления может иметь место лишь тогда, когда лицо в последующем само было намерено осуществить это преступление. В рассматриваемом нами случае невозможно сделать однозначный вывод о том, собирается ли лицо в последующем совершить геноцид или рассчитывает на его совершение со стороны других лиц. Только в первом варианте есть возможность понимать публичные призывы к совершению геноцида как стадию приготовления. Во втором же случае такие действия больше похожи на организацию совершения преступления.

Организатор преступления обычно не намеревается выполнять деяния, образующие объективную сторону, но, в частности, организует совершение преступления другими лицами. Такое понимание публичных призывов к совершению геноцида не противоречит признакам деятельности организатора, указанным в ч. 3 ст. 33 УК. Однако в учебной и научной литературе по уголовному праву указываются только такие формы организации преступления (например, подбор соучастников, разработка плана, распределение ролей), которые, бесспорно, не могут иметь место при обращении призыва к неопределенному кругу лиц. Более того, цель организатора на соединение усилий других лиц, отмечаемая в литературе, посвященной проблемам уголовного права, также не может реализовываться при единичном одностороннем контакте призывающего к совершению геноцида лица и получателей такого призыва.

Все рассмотренные проблемы уголовно-правовой квалификации публичных призывов к совершению геноцида мы считаем необходимым решить на законодательном уровне. Схожие по содержанию деяния законодатель предусматривает в качестве признаков объективной стороны самостоятельных составов преступлений, например ст. 280 УК РФ. Следовательно, решение названной проблемы возможно путем введения в УК отдельной нормы, предусматривающей ответственность за публичные призывы к совершению геноцида.

Теперь необходимо провести разграничение публичных призывов к совершению геноцида, которые пока не закреплены в отдельной статье УК РФ, и преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, совершаемого в форме действий, направленных на возбуждение ненависти и вражды публично или с использованием средств массовой информации. Основным непосредственным объектом геноцида, как уже отмечалось, является безопасность национальных, этнических, расовых и религиозных групп. Для преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, основным непосредственным объектом выступает конституционный принцип недопустимости экстремизма как деяния, направленного на возбуждение ненависти или вражды по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Объективная сторона рассматриваемых деяний, предваряющих геноцид, характеризуется публичными призывами к его осуществлению. Анализируемая форма преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, объективируется в виде действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, совершенных публично или с использованием средств массовой информации. Одним из вариантов такого поведения будут высказывания, обосновывающие и (или) утверждающие необходимость геноцида. Решение вопроса о разграничении публичных призывов к совершению геноцида и публичного обоснования или утверждения необходимости геноцида является достаточно сложным. В п. 5 названного ранее постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» говорится о существующей разнице между данными деяниями. Однако конкретные признаки, позволяющие провести их разграничение, не называются. Для решения вопроса о наличии

таких признаков, а следовательно, и об отличиях в объективной стороне этих деяний необходимо соотнести понятия «обоснование», «утверждение» и «призыв».

Обосновывать - значит приводить убедительные доводы для подтверждения чего-либо, подкреплять доказательствами что-либо. Соответственно, обоснование необходимости геноцида имеет место тогда, когда приводятся доводы и аргументы в пользу его осуществления. Утверждать - уверенно высказывать что-либо. Утверждение необходимости геноцида - это высказывание о том, что осуществление геноцида нужно, полезно для достижения определенных целей. Утверждение отличается от обоснования отсутствием аргументации утверждаемых высказываний. Призывать - суть требовать, просить вести себя определенным образом. В рассматриваемом случае - требовать осуществления действий, составляющих геноцид⁶. В отличие от утверждения и обосно-

вания, призыв рассчитан на последующие действия со стороны других лиц согласно высказанным требованиям, просьбам.

Использование рассмотренных терминов видится вполне оправданным. «Обоснование» и «утверждение» подчеркивают необходимость объективного выражения мнения и целей субъекта при совершении преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. «Призыв» же отражает желание субъекта привлечь других лиц к совершению геноцида в соответствии со специальной целью данного преступления. Следовательно, действия лиц, совершающих указанные деяния, должны быть направлены на достижение цели соответствующего преступления. Прямое и публичное подстрекательство к геноциду имеет цель - полное или частичное уничтожение национальной, расовой, этнической или религиозной группы. Преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершается с целью возбудить ненависть либо вражду.

¹ Долголенко, Т. В. Убийства по экстремистским мотивам (п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ) и их соотношение с другими составами преступлений // Современное право. - 2010. - № 2. - С. 123.

² Полный курс уголовного права. В 5 томах. Т. I: Преступление и наказание / под ред. А.И. Коробеева. - СПб., 2008. - С. 496.

³ Уголовное право России. Части Общая и Особенная / под ред. А.В. Бриллиантова. - М., 2009. - С. 168.

⁴ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20.02.2007 №4-007-15 // БВС РФ. - 2008. - № 5.

⁵ Уголовное право России. Часть общая. / Под ред. А.Н. Тарбагаева. - М., 2012. - С. 224.

⁶ Ефремова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. - URL: <http://www.tolkslovar.ru>

¹ Dolgolenko T.V. Murders motivated by extremist (item «L» Part 2 of Art.105 of the Criminal Code) and their relationship with other elements of the crime // Modern law. - 2010. - № 2. - P. 123.

² The full course of criminal law. In 5 volumes. T. I: Crime and Punishment / ed. A.I. Korobeeva. - St., 2008. - P. 496.

³ Criminal law in Russia. General and Special Parts. / Ed. A.V. Brilliantova. - M., 2009. - P. 168.

⁴ Determination of the Trial Court for Criminal Cases of the Supreme Court from 20.02.2007 № 4-007-15 // UA RF. - 2008. - № 5.

⁵ Criminal law in Russia. Part of the total. ~/Ed. A.N. Tarbagaeva. - M., 2012. - P. 224.

⁶ Ephraim T.F. Modern Dictionary of Russian language [electronic resource]. - URL: <http://www.tolkslovar.ru>

Сведения об авторе

Москалев Георгий Леонидович - аспирант кафедры уголовного права Сибирского Федерального университета, Красноярск; e-mail: eucalyptus@yandex.ru

About the author

Moskalev Georgy Leonidovich - postgraduate student of the Department of Criminal Law of the Siberian Federal University, Krasnoyarsk; e-mail: eucalyptus@yandex.ru